

НОВГОРОДСКИЕ ВЛАДЕНИЯ
НА БЕРЕГАХ БОТНИЧЕСКОГО ЗАЛИВА
(XIII—XIV вв.)

К числу наименее изученных тем истории Новгородской республики относятся проблемы истории новгородских владений на берегах Ботнического залива. Хотя за наше столетие был опубликован ряд финских и отечественных материалов, в целом история новгородских приботнических владений продолжает оставаться белым пятном для русской науки. Как положительный сдвиг следует отметить статью М. Пёлля, излагающую результаты новейших исследований финских ученых в Приботнической Карелии.¹

Основным событием в истории Севера Восточной Европы в XI—XV вв. было установление политического влияния русской государственности над большей частью российского Севера. Причем это влияние устанавливалось в основном силами подвластных Новгороду карел. Имевшие свое родовое гнездо на Карельском перешейке, карелы распространили свое политическое влияние на север к Белому морю, на северо-запад к Ботническому заливу, затем на Кольский п-ов и в соседний Финмаркен. Население этих территорий было принуждено карелами и новгородцами к уплате дани. Проникновение карел в Приботнию шло по рекам северной части Карельского перешейка и через волоки, связывавшие реки Приладожского и Приботнического бассейнов.

Приладожских карел в северную Приботнию привлекали природные богатства этого края — рыбные ловли и обилие пушного зверя. В реки, впадающие в северо-восточную часть Ботнического залива, — знаменитые в средние века семь лососиных рек — каждую весну приходили на нерест большие косяки лосося. Добытую в Приботнии ценную рыбу и пушнину карелы везли по речным путям в Приладожье, а оттуда в Новгород и далее для продажи за море.

Сохранились сведения о том, что в XIV в. карелам принадлежала половина улова лосося на реке Кемийоки и все лососиные реки до реки Пюхяйоки. Топонимика Восточной Приботнии сохранила многочисленные следы пребывания здесь карел. Остров Хайлуото к западу от устья Оулуйоки имеет шведское название Карлё, т. е. карельский остров. Есть следы влияния русского христианства — названия *manasteri* (монастырь), *säässiinä* (часовня). Топоним «Карйалан кюля» свидетельствует о существовании здесь некогда карельской деревни.²

После Ореховецкого мира 1323 г. продолжала существовать установленная Ореховецким договором государственная граница, оставившая Приботнические земли и огромные пространства к северу и востоку от них под властью Новгородского государства. Правда, уже вскоре после

¹ Пёлля М. Карелы в Приботнии // Вестн. Ленинградского гос. ун-та. 1986. Сер. 2, вып. 4. С. 81—84.

² Там же. С. 84; *Vahtola J. Kainuu—Kvenland. Ouli, 1986. S. 384.*

заклучения Ореховецкого мира на побережье северной Приботнии с юга, из шведской Финляндии, стали проникать переселенцы-финны, начавшие поспешное освоение северо-западного побережья Ботнического залива. Проникновение это поощрялось и поддерживалось шведскими властями и ставило своей целью мирным путем освоить северную Приботнию, создать здесь значительный слой населения, находящегося под влиянием Швеции, и подготовить постепенный переход Приботнических земель в состав шведских владений. Но в XIV в. этот процесс проходил еще довольно медленно и Новгород еще осуществлял свою власть на всей территории от северного берега Ботнического залива до Белого моря. Благодаря раскопкам А. В. Арциховского в нашем распоряжении имеется ценный документ из истории русских приботнических владений в XIV в. — берестяная грамота № 286, к которой неоднократно обращались многие исследователи и которая до сих пор еще не полностью изучена.³

«(От Григории ко Дмитроу. М(ы здо)рове. А ты ходи, не боися, миро взяле на (ст)арои меже Юрия князя. (Нынеч)я⁴ послале кореле⁵ на Каяно море. А (не п)омешаи, не испакости каянецамо, ни соби,⁶ присловия возми, а(ц)и поимало дани лонеский, возми и мои. А ушюеши, а не поиду к Но..., и ты тогодь иди. А дома здорово. А на меня вестеи перециня. Ц(т)о аже возможеши, пособиаи мне цимо» (грамота приводится в прочтении В. Л. Янина).⁷

Документ представляет собой переписку новгородских данников — сборщиков дани в Приботнических землях; автор сообщает адресату, что заключен мирный договор, подтверждающий условия Ореховецкого мира 1323 г. («миро взяле на старои меже Юрия князя»).⁸ Известно, что мирные соглашения со Швецией в XIV в. заключались в 1339 и 1351 гг. В. Л. Янин и Л. В. Черепнин считают более вероятной первую из двух названных дат, поскольку в 1338—1339 гг. в новгородско-шведских переговорах специально стоял вопрос о «кореле», которую упоминает и грамота № 286.⁹ Действительно, по сведениям Новгородской I летописи во время переговоров в Выборге в 1338 г. было достигнуто соглашение о восстановлении условий Ореховецкого договора 1323 г., но вопрос о «кореле» был оставлен открытым до переговоров

³ Арциховский А. В. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // Сов. археология. 1958. № 2. С. 238; Шаскольский И. П. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV—XV вв. // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 76—78; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965. С. 63—70; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 216—219; Мединцева А. А. Письма Григория — тиуна боярского по материалам берестяных грамот // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 53—75; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С. 200, 242; Kirkinen H. Lisälähteitä Karjala keskiajan historiaan // Historiallinen aikakausi. 1964. N 2. S. 143—144.

⁴ Возможно также: «(Мен)я». Предлагаю другую конъектуру: «(Тоб)я».

⁵ Моя конъектура: «(к) кореле».

⁶ Л. В. Черепнин не ставит здесь знака («ни соби присловия возми»).

⁷ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. С. 242.

⁸ Шаскольский И. П. Берестяные грамоты... С. 76, 77.

⁹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 67—69; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты... С. 216, 217.

со шведским королем, состоявшихся в следующем, 1339 г. в городе «Людовли» и урегулировавших и спорный вопрос о карелах. Однако в грамоте № 286 и в летописных известиях 1338 и 1339 гг. явно речь идет о разных группах карельского племени, расселившегося к XVI в. на огромном пространстве от Ладожского озера до Ботнического залива и Белого моря. Во время переговоров 1338 г., судя по совершенно конкретному указанию летописи, речь шла (целиком или в основном) о «кобылицкой кореле», которая, как давно установлено исследователями,¹⁰ жила на Карельском перешейке в пограничном Келтушском погосте. В летописном тексте о переговорах 1339 г. нет столь же точных географических указаний, но и там, по всей видимости, речь идет о карелах, живущих в Корельской земле — на Карельском перешейке.

Судя по летописному тексту, во время переговоров 1339 г. был урегулирован вопрос о карелах, перебежавших в предшествующее время через границу с русской стороны на шведскую и с шведской на русскую. Такая ситуация, когда карелы жили по обе стороны границы Ореховецкого договора, и на русской, и на шведской территории, существовала ко времени конфликта 1337—1339 гг. на основной карельской племенной территории¹¹ на Карельском перешейке в Корельской земле, всего за 16 лет до описываемых событий разрезанной по живому телу государственной границей, установленной Ореховецким договором. Да и сам конфликт 1337—1339 гг. разворачивался, судя по летописным данным, главным образом на Карельском перешейке, у стен Корелы и Выборга.¹² Напротив, в берестяной грамоте № 286 речь идет явно о кореле, живущей в отдалении от Карельского перешейка, около «Каяна-моря», в «Каянской земли» — в Приботнии. Там карельское население жило не по обе стороны границы 1323 г., а только на территории, которая по Ореховецкому договору считалась принадлежащей Новгороду. Огромные размеры этой территории и немногочисленность населения там едва ли могли привести к конфликтной обстановке, отраженной в летописной статье 1339 г.

В подкрепление своей датировки В. Л. Янин выдвинул предположение, что автор грамоты № 286 Григорий — это тот же Григорий, который, согласно летописному известию 1333 г.,¹³ был послан Новгородом для переговоров с литовским князем Наримонтом, приглашавшимся новгородским правительством на наместничество в новгородских пограничных местностях в Корельской земле, в Ладобе, Орешке и Копорье.¹⁴ Предположение это вполне допустимо, но не бесспорно;

¹⁰ *Ronimus Y. W. Novgorodin vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Kaigalan silloinen asutus.* Joensuu, 1906. S. 32—33; *Мюллер Р. Б. Комментарий // Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.* Петрозаводск, 1941. С. 83; *Гадзюцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время.* Л., 1941. С. 162.

¹¹ Правда, и севернее Карельского перешейка граница 1323 г. на некотором протяжении разделяла карельские земли, отошедшие к Швеции (север Саволакского погоста), и оставшийся под русской властью Иломанский погост; но там население было редко и немногочисленно. Еще далее на северо-запад, до Ботнического залива, карелы жили только по русскую сторону границы.

¹² Так же думает Ярл Галлен: *Gallén J. Notenborgs freden och Finlands medeltida östgräns.* Helsingfors, 1968. S. 131.

¹³ НПЛ. С. 346.

¹⁴ *Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 72; это мнение поддерживает и Л. В. Черепнин (Новгородские берестяные грамоты... С. 217).*

носителей достаточно распространенного имени Григорий могло быть несколько и в 1333-е, и в 1350-е гг.

Таким образом, анализ летописных текстов о русско-шведском конфликте 1338—1339 гг. не дает убедительных оснований, для того чтобы определенно отнести грамоту № 286 ко времени после данного конфликта. Более вероятно относить этот документ к 1351—1352 гг., ко времени после более крупной русско-шведской войны, которая должна была охватить все пограничные области и которая охватила и русско-норвежское пограничье на крайнем севере, у Ледовитого океана.¹⁵

Автор грамоты, по-видимому, находится в Новгороде («А дома здорово»),¹⁶ адресат — где-то вблизи Каянской земли. Выражения, которыми пользуется Григорий («М[ы] здорове», «миро взяле») делают весьма вероятной догадку В. Л. Янина о том, что автор письма сам был участником только что завершившихся мирных переговоров, был членом новгородского посольства и лично участвовал в подписании договора.¹⁷ По-видимому, письмо написано сразу по возвращении посольства в Новгород, Григорий торопится сообщить приятную весть о заключении мира и созданной благодаря этому возможности восстановления в Прибaltических землях политических условий, нарушенных войной.

В. Л. Янин полагает, что Григорий и Дмитрий были карельскими данниками Новгорода, собиравшими дань на Карельском перешейке.¹⁸ Однако из документа мы можем заключить только, что они собирали дань в Каянской земле. Из текста документа не ясно, собирали ли они, кроме того, дань и на Карельском перешейке, в Корельской земле, имевшей иной политический статус — входившей в состав собственной территории Новгородского государства,¹⁹ в отличие от северных владений Новгорода — Каянской земли, Беломорской Карелии, Кольского п-ова, Заволочья, имевших статус колоний и все свои обязанности в отношении к Новгороду выражавших только в уплате дани; возможно даже, что население Корельской земли в середине XIV в. вообще уже не платило дани, а уплачивало оброк наравне с русским крестьянским населением Новгородской республики.

Григорий обязан был отправиться для сбора дани и в следующем году,²⁰ но не был во время написания грамоты уверен, удастся ли ему это;²¹ поэтому он просит Дмитра и в будущем году, если тому станет

¹⁵ *Медынцева А. А.* Письма Григория... С. 69.

¹⁶ *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 217.

¹⁷ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... С. 69; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты... С. 217. Но в отличие от В. Л. Янина я полагаю, что речь должна идти об участии Григория в переговорах не в «Людовли» в 1339 г., а в Юрьеве в 1351 г.

¹⁸ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... С. 70.

¹⁹ *Шаскольский И. П.* Политические отношения Новгорода и карел в XII—XIV вв. // НИС. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 125—136.

²⁰ Это обстоятельство прямо противоречит приведенному выше предположению Л. В. Черепнина о сборе дани Григорием и Дмитрием по очереди, через год; по-видимому, Григорий должен был идти для сбора дани и в год написания грамоты, и в следующем году.

²¹ Скорее всего, неуверенность Григория в данном случае не связана с политической ситуацией в Каянской земле, поскольку ставится под сомнение не сама возможность сбора дани (предполагается, что дань будет собираться, если не сможет сам Григорий — чиновником меньшего ранга, Дмитрием). Вероятно, Григорий выполнял еще какие-то обязанности (или просто активно участвовал

известно, что Григорий не сможет поехать за данью («А уцюеши, а не поиду к но[ву]...»), самому пойти собирать вместо него дань («и ты то год иди»).

Примечательно наблюдение Л. В. Черепнина,²² что письмо Григория двойственно по тону: с одной стороны, Григорий успокаивает и ободряет Дмитра — война закончилась, мир заключен, не бойся, иди в Каянскую землю за данью. Но, с другой стороны, в письме Григория чувствуется явное беспокойство, и он рекомендует Дмитру вести себя осторожно, особенно с каянцами; и неясная по смыслу последняя фраза грамоты в истолковании Л. В. Черепнина²³ содержит просьбу Григория к Дмитру извещать его обо всем, что тот услышит о нем; этим Дмитр в чем-то весьма ему поможет.

Очень важно для понимания текста документа, но не очень ясно выражение «...я послале кореле на Каяно море». Возможно, прав Л. В. Янин, предположивший чтение «[нынеч]я послале кореле на Каяно море»; это чтение может иметь несколько толкований. По мнению В. Л. Янина, здесь подразумевается, что теперь карелы послали на Каяно-море гонцов с каким-то сообщением. Исходя из своего представления о связи данной грамоты с событиями, описанными в летописи под 1338—1339 гг., В. Л. Янин понимает цитированное выражение в том смысле, что карелы послали к своим соплеменникам, перешедшим на шведскую территорию, гонцов для переговоров об их возвращении.²⁴ Однако эта трактовка никак не вытекает из приведенного текста. Кроме того, в документе явно речь идет о побережье Каяна-моря — Ботнического залива, подвластном не шведам, а русским, о Приботнии, официально принадлежавшей по Ореховецкому договору Новгородской республике, и о сборе дани на этой территории. Потому возможно также, что предложенное В. Л. Яниным чтение надо понимать: теперь послали карел на Каяно-море и подразумевается, что карел послали «мы» или «они»; в обоих случаях должны подразумеваться новгородские власти. Возможно, здесь говорится, что карелы были посланы новгородскими властями с каким-то поручением или сообщением на побережье Ботнического залива;²⁵ может быть, карелы-посланцы должны были сообщить населению Приботнии о происшедшем заключении мира и о восстановлении прежней границы со Швецией, и, следовательно, о предстоящем восстановлении новгородской власти и сбора дани.²⁶

в политической жизни) в самом Новгороде и опасался, что его могут задержать здесь в будущем году важные новгородские дела.

²² Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты... С. 217.

²³ Там же. С. 216; это истолкование не бесспорно, но содержит немалую долю вероятности. Истолкование В. И. Борковского («а на меня ссылайся и передельвай (или измени) то» непонятно по смыслу (Арциховский Н. В., Борковский В. Н. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 162—164.

²⁴ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 64, 69.

²⁵ В таком случае речь идет всего о нескольких карелах, отправленных в качестве посланцев в Приботнию.

²⁶ Менее вероятно (хотя тоже возможно), что в рассматриваемом отрывке текста речь идет об отправке в Приботнию значительных групп карельского населения, ушедших оттуда в Корельскую землю на время существовавшего вооруженного конфликта Швеции и России. Выражение «послале кореле» (в смысле: «послали карел»), скорее всего, должно относиться к нескольким посланцам, а не к значительной массе людей.

Представляется несколько более вероятным предполагать, что в выражении «[ныне]я послале кореле на Каяно море» мог быть вложен смысл не «послале карел», а «послали карелам» («послали кореле», «послали к кореле»). Тогда подразумевается, что новгородские власти послали к карелам, живущим в Приботнии, сообщение о заключении мира и о восстановлении прежних политических отношений в Приботнических землях.

В равной мере представляется вероятным и другое, ранее предложенное нами чтение того же выражения документа: «[тоб]я послале [к] кореле на Каяно море», т. е. Григорий сообщает Дмитру, что именно его, Дмитра, новгородские власти послали к кореле, находящейся (живущей) у берегов Ботнического залива; тогда главная цель письма — сообщить Дмитру распоряжение новгородских властей о том, чтобы он в связи с только что происшедшим заключением мира и восстановлением прежней русско-шведской границы отправился к побережью Ботнического залива собирать дань с карел, живущих на принадлежащей Новгороду территории северной Приботнии.

Трудна для понимания и следующая фраза документа: «А ...омешай, не испакости каянецамо, ни соби...». Весьма вероятная конъектура В. Л. Янина: «А [не по]мешай...». Видимо, здесь Григорий советует Дмитру во время предстоящей поездки в Приботнию для сбора дани соблюдать осторожность в отношении со вторым этническим элементом, имеющимся на той же территории, — с каянцами. Но это только наиболее вероятный общий смысл всей фразы, дословное же содержание и конкретный смысл отдельных слов остаются не вполне ясными. Не очень определен и термин «каянцы», здесь впервые по времени выступающий в русских источниках.²⁷ Кто это — шведы или финны, шведские или (что более всего вероятно) финские крестьяне-переселенцы из шведской Финляндии, проникшие за время, прошедшее после заключения Ореховецкого мира, в русские приботнические владения? Содержащийся в тексте совет данщику Дмитру во время поездки для сбора дани в Приботнии придерживаться осторожной политики в отношении «каянцев», по-видимому, свидетельствует, что политическое положение «каянцев» в Приботнии отличалось от положения карел; возможно, что русскими данщиками в Приботнических землях собиралась дань только с карел, а с живших там же (или с расселившихся в последние десятилетия «каянцев») дань не брали. Если (что более вероятно) «каянцы» были финскими переселенцами из лежащих южнее шведских владений, то, скорее всего, ввиду отсутствия в Приботнии постоянной русской администрации они продолжали считать себя шведскими подданными, да и русские данщики, видимо, смотрели на каянцев как на подданных другого государства, не подлежащих обложению данью.

Остается непонятным и выражение «присловия возми». В. Л. Янин предположил, что здесь подразумевается какая-то памятная записка, которую должен был взять с собой данщик Дмитр, отправляясь в Приботнию для сбора дани. И здесь же В. Л. Янин сделал попытку связать с содержанием рассматриваемого документа еще три берестяные грамоты, найденные на том же участке раскопок и содержащие перечни

²⁷ Все ранее известные немногочисленные упоминания «каянцев» или «каянских немцев» в русских источниках содержатся в памятниках XV в.

повинностей (даней), взимаемых натурой с населения какой-то местности, заселенной карелами (это явствует из имен и географических названий),²⁸ по мнению В. Л. Янина, эти грамоты и являлись «присловиями» — записями с перечнем повинностей.²⁹ К сожалению, это толкование (как отметил и Л. В. Черепнин) не очень убедительно.

Представляется убедительным предположение А. А. Зализняка, переводящего слово «присловие» как «худая молва»; тогда перевод этой фразы: «смотри, не помешай, не напакости каянцам и себе, не заплучи худой славы».³⁰

Тем не менее, хотя в содержании этого не полностью сохранившегося документа имеется ряд неясных мест, из него все же совершенно очевидно, что речь в нем идет о происходящем после окончания русско-шведской войны 1348—1351 гг. восстановлении власти Новгорода в его приботнических владениях. Из документа явствует также, что новгородское владычество на данной территории носило непрочный характер и в период только что закончившейся войны новгородская власть фактически не существовала: новгородцы не решались или не могли осуществлять здесь главную функцию своей власти — сбор дани с местного населения. Из документа, по-видимому, можно также заключить, что непрочность новгородской власти на этой территории находится в какой-то связи с наличием здесь кроме новгородских данников — карел еще одного этнического элемента — каянцев (хотя в тексте документа нет прямых указаний на враждебность каянцев к новгородской власти).

Для 60-х гг. XIV в. имеются косвенные данные, подтверждающие, что в эти годы власть Новгорода в Приботнии продолжала существовать и признаваться шведской стороной. Эти сведения дает грамота шведского короля Альбрехта Мекленбургского от 7 февраля 1365 г. населению Ульфсби и Норботтена, т. е. шведских владений у северного побережья Ботнического залива, прилегавших с юга и с северо-запада к русским приботническим владениям. В грамоте населению Ульфсби и Норботтена предписывается не допускать плавания карел по морю (подразумевается Ботнический залив и шире — Балтийское море) далее, чем они издавна имели обыкновение, ибо они стали плавать по морю слишком далеко и даже доходили до Ревеля.³¹ В данном документе речь

²⁸ Сама по себе отмеченная В. Л. Яниным находка на одном участке восьми берестяных грамот, касающихся отношений Новгорода и карел, — исключительно важный факт, и весьма вероятно предположение В. Л. Янина (Я послал тебе бересту... С. 73, 74), что в этой усадьбе жило какое-то новгородское должностное лицо или несколько поколений должностных лиц, связанных с Карелией, может быть, данщики, собиравшие дань в Карелии.

Но в свете сказанного возникает недоуменный вопрос: как разбираемый нами документ, явно предназначенный для отправки из Новгорода куда-то в направлении Приботнии (где находился данщик Дмитр) мог оказаться в культурном слое Новгорода? Может быть, письмо Дмитру так и не было отправлено? Или оно попало по назначению и затем было привезено Дмитром обратно в Новгород для хранения среди «деловых бумаг»?

²⁹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 70—72.

³⁰ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. С. 200.

³¹ Finlands medeltidsurkunder. Helsingfors, 1910. Bd 2. № 727. Не зная подлинного текста документа, В. Крохин, а вслед за ним и С. С. Гадзяцкий неточно изложили и истолковали содержание (Крохин В. История карел // Русская

явно идет о карелах, живущих в северо-восточной Приботнии; шведский король определенно рассматривает приботнических карел³² как подданных другого государства, на которых не распространяется его власть. Король признает за приботническими карелами издавна принадлежавшее им право совершать плавание по Ботническому заливу, однако считает, что это право не распространяется на весь Ботнический залив, а лишь на северную его часть. Из данного документа косвенно вытекает, что шведским правительством в 1365 г. признавалась подвластность приботнических карел (а следовательно — и их территории) другому государству, т. е. Новгороду.

В 1374 г. истек срок мирного договора 1351 г., подтверждавшего прежние условия Ореховецкого договора, и, по косвенным данным, можно предполагать, что летом 1374 г. был заключен новый договор, подтверждавший условия Ореховецкого мира.³³ Однако уже через год, судя по данным русских летописей, мир на северной границе со Швецией был нарушен и в Приботнических землях завязался вооруженный конфликт, затянувшийся на несколько лет.

По сообщению Новгородской IV и Софийской I летописей, в 1375 г. «постави кореля семидесятская новый городок».³⁴ Это известие, скорее всего, находится в связи с известием 1377 г. в Новгородской I, Новгородской IV и Софийской I летописях о походе из Новгорода «к новому городку на Овле на реце к немецкому».³⁵ Для понимания обоих известий наибольшее значение имеет упоминаемое во втором известии конкретное географическое название — название реки Овли; это явно

старина. 1907. Октябрь. С. 226; *Гадзяцкий С. С.* Карелы и Карелия в новгородское время. С. 173).

³² В королевской грамоте не указано в точности, о каких именно карелах идет речь, но пояснено, что говорится о карелах, которые живут «поблизости от вас», т. е. от населения шведских приботнических владений, которому адресована грамота; поблизости от шведской Приботнии жили карелы русской Приботнии (беломорские и приладожские карелы жили значительно дальше и в данном случае подразумеваться не могли).

³³ Сохранилось письмо крупнейшего феодала Швеции и фактического правителя Финляндии Бу Ионссона архиепископу Упсальскому с сообщением, что автор письма должен в начале лета 1374 г. ехать в Выборг для переговоров с русскими о заключении нового мирного договора ввиду истечения в Духов день 1374 г. срока действия прежнего договора (т. е. договора 1351 г.); см.: *Finlands medeltidsurkunder*. Bd 1. № 822. На основании этого документа и ряда других косвенных данных О. С. Рюдберг определенно считал, что в 1374 г. был действительно заключен русско-шведский договор, подтверждавший условия Ореховецкого мира (*Rydberg O. S. Sverges Traktaten*. Del. 1—5. Stockholm, 1883—1903. Del. 2. № 403. S. 438—439. См. также: *Гуннинг А. И.* Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Т. 1. С. 141; *Mikkola J. J. Lännen ja idän rajoilta*. Porvoo, 1942. S. 90).

³⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 305; ПСРЛ. Т. 5. С. 102; ср.: *Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.* С. 86.

³⁵ «Ходиша из Новагорода люди молодии к новому городку, на Овлъ (варианты: Овле) на реце к немецкому. И стояша под городом много дней, и посад весь взяша, и волость всю потравиша, и полона много приведоша в Новогород, а сами приидоша все здрави в Новьгород с воеводоу Иваном Федоровицем, Василии Борисович, Максим Онаньиниц» (НПЛ. С. 375; см. также: ПСРЛ. Т. 4. С. 305; ПСРЛ. Т. 16. С. 102; ср.: *Материалы по истории Карелии*. С. 86; текст известия Софийской I летописи несколько отличается по содержанию и будет приведен отдельно).

Оулу (Oulu),³⁶ важнейшая из рек Приботнии, связанная старинным водным путем с реками северной Карелии и северо-западного Приладожья. Дополнительные указания дает Софийская летопись, сообщающая, что поход новгородцев 1377 г. был совершен «на окиян море на Тивролу» (к новому городку «на Овле реце»);³⁷ Под выражением «окиян море» здесь подразумевается Ботнический залив; Тиврола — местность или река в Приботнии.

Скорее всего, в обоих известиях речь идет о предпринятой с шведской стороны попытке захвата Приботнических земель, выразившейся в постройке крепости на реке Оулу вблизи ее впадения в Ботнический залив, и о русском походе для овладения новой шведской крепостью и для восстановления русской власти в Приботнии. Однако остается неясным единственный раз встречающееся в письменных источниках выражение «корела семидесятская». Если считать оба приведенных известия взаимосвязанными, то «корела семидесятская» в данном случае выступает на стороне Швеции и строит крепость на реке Оулу для шведов. Но что представляет собой эта группа карел и что означало ее название «семидесятская»?³⁸ Научно объяснить это загадочное название попытался Я. Яккола; по его мнению, название «семидесятская корела» прилагалось к приботнической Карелии (к приботническим владениям Новгорода) и означало одновременно и территорию, и ее карельское население; название «семидесятская» Яккола связывает с наличием в Приботнии семи «лососиных рек»,³⁹ впадающих в Ботнический залив

³⁶ В русской историографии впервые отождествил летописную «Овлу» с рекой Оулу В. Егоров (Русская летопись о карелах // Карелия. 1928. Петрозаводск, 1930. С. 70). Той же точки зрения затем придерживался С. С. Гадзяцкий (Карелы и Карелия в новгородское время. С. 182—183). Идентификация летописной р. Овли с р. Оулу (по-шведски — Улео) с филологической стороны совершенно беспорна, и она принята всеми финскими историками, касавшимися этого события.

³⁷ «Ходиша из Новагорода люди молодии на окиян море на Тивролу ратию, а воевода у них Иван Валит, и стояша на Овле реце под новым городком...» (ПСРЛ. Т. 5. С. 235).

³⁸ Первую попытку объяснения этого названия сделал А. И. Гиппинг, который произвольно заключил, что в данном случае речь идет о саволакской кореле, т. е. о населении захваченной в конце XIII в. шведами карельской области Саволакс, а новый «городок», о котором идет речь, — это Нишлот, шведская крепость на берегу оз. Сайма у границ Саволакса, основанная, по существующим данным, на сто лет позднее, в 1477 г.; Гиппинг в данном случае предположил, что Нишлот был основан на 102 года ранее, чем это указывалось письменными источниками (Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. С. 148—149 и примеч. 107). В пользу своего предположения Гиппинг не привел никаких конкретных аргументов, и его мнению противоречит прямое указание летописного известия 1377 г. о том, что описываемые события происходили на р. Овле-Оулу, т. е. в Приботнии, а не в Саволаксе. См. также комментарий Р. Б. Мюллер к данному известию (Материалы по истории Карелии. С. 86—87).

³⁹ В недатированной Респиси прежних русских приботнических владений, хранившейся в архиве Соловецкого монастыря и опубликованной соловецким историком Досифеем, территория русской Приботнии рассматривается как «область семи рек» (или: область, по которой протекает семь рек): «а из государевы вотчины впаи в море в Свитцкое семь рек» (Досифей, архим. Описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. С. 38). Документ ошибочно датирован временем Алексея Михайловича, в действительности же относится к середине или второй половине XVI в., так как в нем упоминается царский титул, официально

и благодаря своим богатым рыбным ловлям представлявших собой основной источник существования для местного населения.⁴⁰ Но и предположение Якколы, если его принять, не все разъясняет; остается по-прежнему непонятным, почему постройка «нового городка» на реке Овле в летописной статье 1375 г. рассматривается как предприятие только местного (приботнического) карельского населения (вне связи со шведами), а в статье 1377 г. этот «городок» рассматривается как шведский (и никак не связывается с местными карелами).⁴¹

Наиболее вероятной представляется следующая трактовка обоих летописных известий.

По-видимому, к середине 70-х гг. продолжающееся проникновение в русскую Приботнию финских (а возможно, и шведских) переселенцев из шведских владений в Финляндии привело к значительному усилению шведского влияния в крае и, видимо, под влияние Швеции перешла и значительная часть местного карельского населения.⁴² В этой связи можно предполагать, что в летописном тексте «постави корела семидесятская новый городок» в выражение «корела семидесятская» вкладывалось представление не только о карелах, живших в Приботнических землях, но о всем населении области семидесятской корелы, т. е. и о корелах, и о финских переселенцах, и, возможно, об уже появившихся в этой области шведах (т. е. вкладывалось представление о том, что «новый городок» построен вообще населением данной области вне зависимости от национальности).

Если связывать оба указанных летописных известия, то станет очевидным, что крепость («новый городок») была построена не на пустом месте. В известии 1377 г. при описании военных действий упоминается находившееся около данной крепости («нового городка») неукрепленное поселение — посад; в малонаселенной северной области в XIV в. такое поселение, имеющее не военное, а мирное назначение (скорее всего, это было торговое поселение), вряд ли могло образоваться за короткий

принятый в 1547 г. С другой стороны, документ явно составлен до Тязинского мира 1595 г., когда Россия официально отказалась от прав на Приботнию.

⁴⁰ Я. Яккола дает довольно сложное объяснение происхождению названия «корела семидесятская»; он считает, что исходным моментом послужило название впадавшей в Ботнический залив с севера пограничной реки Кеми (по которой проходила северо-западная граница русских приботнических владений); название это, звучавшее первоначально *Kumi*, давало при склонении форму «кумен», произносившуюся почти одинаково с именем числительным «кутшепе» — «десять»; русские поняли это название как «десять» и перевели этим словом; поскольку подобных же рек, впадающих с востока в Ботнический залив в пределах русских приботнических владений, было семь, в русской терминологии возникло название «семидесятская Корела», т. е. карельская земля, лежащая в пределах семи приботнических рек (*Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. Porvoo, Helsinki, 1938. S. 323—326*). Изложенная гипотеза не вполне убедительна, но другого объяснения, насколько известно, никто предложить не смог.

⁴¹ Мюллер Р. Б. Комментарий. С. 87.

⁴² Распространение шведского влияния среди приботнических карел в значительной мере производилось силами шведских церковников под видом обращения карел в католическую религию. Так, известно, что в 1345 г. упсальский епископ Хемминг произвел в Торнео (на принадлежавшей шведам территории вблизи северной границы русской Приботнии) крещение 20 приботнических карел, живших на подвластных в то время Руси реках Оулу, Кеми и Симо (*Lindeqvist K. O. Suomen historia. Porvoo, 1926. S. 76*).

срок (2 года), прошедший со времени постройки крепости. Да и сам выбор пункта для строительства крепости вряд ли был произвольным, на первом попавшемся месте.⁴³ Скорее всего, для первой крепости в крае, предназначавшейся для утверждения здесь новой (шведской) власти, должен был быть избран пункт, наиболее значимый в стратегическом и экономическом отношении. На территории приморской области подобный пункт скорее всего должен был находиться в устье впадающей в море реки; в таком пункте неизбежно должно было возникнуть хотя бы небольшое торговое селение. Наиболее важной из рек русской Приботнии была р. Оулу (Овла, Улео), связанная старинным водным путем через систему озера Пиелисьярви с Беломорской Карелией и с карельским Приладожьем: именно по этой реке (и вообще по этому водному пути) русские попадали в Приботнию, и по ней, очевидно, происходили торговые сношения Приботнии с Новгородом. Экономические и политические связи новгородцев с морским приботническим побережьем и с населением других рек Приботнии, также впадавших в Ботнический залив (остальных шести рек из общего числа семи, имевшихся в крае), проще всего было осуществлять из устья р. Оулу.⁴⁴ Как раз в этом пункте — у устья р. Оулу, по всей видимости, и находилось то неукрепленное селение (посад) у стен шведского «нового городка», о котором говорит летопись; как уже упоминалось, в одной из летописей (в Софийской I) прямо указывается, что новгородский поход к «новому городку» на «Овле рече» был совершен «на окиян море», т. е. подразумевается, что «новый городок» стоял «на Овле рече» у берега моря (у впадения «Овли реки» в Ботнический залив).

Все перечисленные обстоятельства заставляют предполагать, что у устья р. Оулу к середине 70-х гг. XIV в. уже функционировало торговое (или торгово-рыболовецкое) селение, имевшее благоприятные условия для того, чтобы стать наиболее значительным экономическим, политическим и стратегическим пунктом края. Селение это, скорее всего, было создано местным населением и возникло стихийно, в ходе развития местных социально-экономических отношений и вряд ли было особенно велико по размерам.

Учитывая все сказанное, становится понятным, почему в 1375 г. именно данный пункт был избран для строительства первой крепости в крае.⁴⁵

⁴³ Если бы крепость была основана в случайно избранном пункте, неудобном для возникновения торгового селения (не являвшемся местом скрещения водных и сухопутных дорог), то около крепости вообще не смогло бы образоваться торговое поселение — посад.

⁴⁴ Тем более что население на берегах остальных шести рек Приботнии (как и на р. Оулу) преимущественно должно было сосредоточиваться вдоль нижнего течения рек неподалеку от впадения их в Ботнический залив, поскольку главным занятием населения на этих семи «лососиных реках» была ловля лосося, заходившего для нереста в низовья этих рек.

⁴⁵ Совершенно аналогичным образом поступили шведские рыцари при захвате Западной Карелии, сразу начав строить крепость в наиболее важном стратегическом, экономическом и политическом центре края — у впадения в Балтийское море западного (ныне не существующего) рукава Вуоксы, по которому проходил важный торговый путь, и вблизи давно существовавшего местного торгового селения. Так же поступили немецкие рыцари при захвате Ливонии, сразу основавшие рижский замок в устье Западной Двины, и датские рыцари при захвате Эстонии, обосновавшиеся и построившие замок около старого эс-

Поскольку в устанавливаемом нами географическом пункте — у впадения р. Оулу (Улео) в Ботнический залив, — по данным позднейшего времени, находился шведский город-крепость и административный центр северо-восточной Приботнии Улеаборг, можно полагать, что в разбираемом нами летописном известии 1375 г. речь идет об основании Улеаборга (возможно, сначала еще не носившего это имя).⁴⁶

Само по себе сооружение крепости (хотя, видимо, и не очень большой по размерам — ее летописец называет не «город», а «городок»), осуществленное притом, по-видимому, довольно быстро, в несколько месяцев,⁴⁷ должно было потребовать участия большого количества людей. Для производства подобных работ (насыпки земляных валов, возведения каменных или деревянных стен) в малонаселенном северном крае должно было потребоваться привлечение труда жителей довольно значительной прилегающей территории. В подобных условиях факт быстрого и успешного проведения строительных работ скорее всего свидетельствует, что к тому времени население Приботнии в значительной своей части оказалось под влиянием Швеции (и потому шведам удалось поднять большое количество местного населения на строительство крепости).

Видимо, до этого момента проникновение с шведской стороны в русские приботнические владения происходило медленно и постепенно, путем мирной или полумирной финской крестьянской колонизации, постепенного заселения и освоения этого края, где русская власть была непрочна и не опиралась на укрепления и военные гарнизоны. Когда же шведское влияние оказалось достаточно сильным, в крае сложился заметный слой финских переселенцев, и когда на сторону Швеции удалось постепенно склонить местное карельское население, шведы решили перейти к установлению своего прямого военно-политического господства и построили в наиболее важном пункте края свою крепость.

Новгородские власти, до тех пор вынужденно мирившиеся с проникновением финских переселенцев и с постепенным ростом шведского влияния в русской Приботнии (точнее — не имевшие реальной возможности открыто препятствовать шведскому проникновению в силу мирного характера этого проникновения и ввиду отсутствия в крае русских гарнизонов), теперь, с открытым переходом шведской стороны к захвату территории, являющейся владением Новгорода, должны были тоже перейти к прямым военным действиям, чтобы вернуть захваченную шведами территорию в состав Новгородского государства. Этим и был вызван поход 1377 г.

Поход в далекую северную область был довольно сложной военной операцией и требовал участия значительных воинских сил. Правда, в

тонского селения у таллинской бухты — лучшей гавани эстонского побережья, являвшейся средоточием морских и сухопутных дорог.

⁴⁶ Точнее — об основании шведского Улеаборга, шведского замка (крепости) Улеаборга; если считать (как выше было показано), что шведский замок-крепость был построен не на пустом месте, а около уже существующего неукрепленного селения, то началом истории Улеаборга надо считать не постройку замка, а возникновение неукрепленного селения, образовавшегося здесь задолго до строительства замка.

⁴⁷ Все сооружения крепости летописец относит к одному 1375 г., и из текста летописи буквально вытекает, что постройка крепости была и начата, и кончена в одном и том же году.

летописи говорится, что поход совершили «из Новгорода люди молодые»;⁴⁸ но из этого текста было бы неверно заключать, что здесь речь идет об обычном походе ушкуйников, каких было немало во второй половине XIV в. (напомню, что как раз в 60-е и 70-е гг. XIV в. походы ушкуйников достигают наибольшего развития).⁴⁹ В отличие от обычных ушкуйных набегов, являвшихся полуофициальным или частным предприятием новгородских удальцов, поход 1377 г. был, по всей видимости, вполне официальным военно-политическим предприятием Новгородского государства, поскольку возглавляли поход видные представители правящих верхов новгородской республики⁵⁰ — Иван Федорович Валит, имевший в этом походе официальную должность воеводы (вероятно, назначенный новгородскими властями воеводой в данном походе), а также бояре Василий Борисович (Василий Синец),⁵¹ «Максим Онанинич»⁵² и «Михайло» (Михаил Данилович) Бука.⁵³ Известно, что боярин Иван Федорович Валит, выходец из карельской феодализирующейся знати,⁵⁴ в рассматриваемый период был одним из

⁴⁸ И. И. Миккола считал, что летописное выражение «люди молодые» в таких случаях обозначало карел, и, следовательно, новгородские походы 1292 и 1377 гг. были совершены карелами (*Mikkola J. J. Karjalaiset Novgorodin sotilaina // Hämärän ja sarastuksen ajoilta. Porvoo; Helsinki, 1939. S. 53, 60*). Однако в летописи прямо указано для 1292 г. «молодци новгородстеи», для 1377 г. — «ходища из Новгорода...». Правда, поскольку поход был произведен через территорию Корельской земли, возможно, что какое-то количество карельских воинов могли примкнуть по пути к новгородскому войску. Но прямых сведений об этом не имеется.

⁴⁹ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 39—44.

⁵⁰ Яккола ошибается, считая этот поход неофициальным (*Jaakkola J. Suomen Sydänkeskiaika. Porvoo; Helsinki, 1944. S. 415*).

⁵¹ Боярин Василий Борисович Синец, по сведениям летописи, принимал участие в руководстве двумя крупнейшими военно-политическими предприятиями Новгородского государства конца XIV в. — разбитым здесь походом 1377 г. в Приботнию и большим походом 1398 г. для восстановления новгородской власти в Заволочье; участвовал также в наиболее крупных внешнеполитических переговорах этого периода — 1391—1392 гг. с ганзейскими городами, — завершившихся заключением так называемого Нибурова мира 1392 г. Во всех этих случаях Василий Борисович упоминается на первом месте после должностных лиц — после воеводы (известия 1377 г.) и после посадников и тысяцких (известия 1391 и 1398 гг.); см.: НПЛ. С. 374, 384, 391, 393.

⁵² Боярин Максим Онанинич упоминается в Новгородской I летописи только в этом известии.

⁵³ Боярин Михаил Данилович («Бука») — брат посадника Федора Даниловича, был посадником в 1372—1392 гг., принимал участие в руководстве походом 1350 г. на Выборг и походом 1377 г. в Приботнию; см.: НПЛ. С. 361, 363, 376, 385, 461, 472; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 200, 204—206, 210—215.

⁵⁴ И. И. Миккола высказал мнение, что карелами по происхождению были и другие бояре, вместе с Иваном Федоровичем Валитом руководившие новгородским войском в 1377 г., — Василий Борисович Синец, прозвище которого Миккола производит от финского и карельского слова *sinikka*, Михайло (Михаил Данилович) Бука, прозвище которого, по мнению Микколы, происходит от финского *Puikko* («нож»; звонкому согласному *b* в финском и карельском языках соответствует глухой согласный звук *p*) и Максим Онанинич; см.: *Mikkola J. J. Karjalaiset Novgorodin sotilaina. S. 61*. Однако прозвище «Синец» вполне могло иметь русское происхождение, Михайло (Данилович) был, по всей

наиболее видных военно-политических деятелей Новгородского государства; он руководил наиболее крупными военно-политическими предприятиями второй половины XIV в. — постройкой каменных крепостей в Яме (1384) и в Порхове (1378) и самыми крупными походами на запад — походом 1350 г. на Выборг и описываемым здесь походом 1377 г. в Приботнию; в 1380 г. Иван Федорович участвовал в важном новгородском посольстве для переговоров с великим князем Дмитрием Ивановичем вместе с четырьмя наиболее видными новгородскими боярами; во время похода на Выборг в 1350 г. Иван Федорович Валит занимал одну из высших должностей Новгородской боярской республики — должность тысяцкого.⁵⁵

Но хотя поход 1377 г. не носил обычного для 1360—1370-х гг. характера грабительского набега, а имел вполне официальные политические цели, по составу войска он имел много общего с походами ушкуйников. Судя по словам летописи, войско, ходившее в поход в Приботнию, составляли «люди молодыи», т. е. те же новгородские молодцы, те же скопившиеся в Новгороде в 60-е—70-е гг. XIV в. люди, не находившиеся в феодальной зависимости, не втянутые ни в сельскохозяйственное, ни в ремесленное производство и искавшие применения своим силам в ушкуйных походах.⁵⁶ В данном случае эта скопившаяся в Новгороде вольница была использована для участия в важном официальном внешнеполитическом предприятии Новгородского государства.

Для далекого северного похода, который заведомо должен был проходить в весьма трудных климатических и природных условиях, подобный состав войска был значительно более пригоден, чем если бы войско (как в большинстве крупных новгородских походов) было составлено из ополчения, если бы в войско были просто собраны крестьяне из

вероятности, братом посадника Федора Даниловича и сам бывал неоднократно посадником, а имя отца Максима Онаньинича — Онанья — было распространено именно среди бояр-новгородцев.

⁵⁵ НПЛ. С. 361, 374, 376, 381; Новгородская IV летопись. С. 214; *Mikkola J. J. Karjalaiset Novgorodin sotilaina*. S. 59—60; *Попов А. И. Валит // Сов. финноугроведение*. 1949. Т. 5. С. 134—138; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 157. А. И. Попов высказывает предположение, что в 1372 г. Иван Федорович Валит занимал самый высокий пост в новгородской администрации — был новгородским посадником (Валит, с. 138), И. И. Миккола предположил целую генеалогию для семьи Валитов (*Karjalaiset Novgorodin sotilaina*. S. 59—60); по его мнению, Иван Федорович Валит был сыном боярина Федора Васильевича, упоминаемого в Новгородской I летописи в 1338 г. в качестве предводителя ополчения жителей Копорья (копорского воеводы?), отразившего нападение шведских войск (Миккола, кроме того, здесь же ошибочно смешивает копорского Федора Васильевича с участвовавшим в том же году в сношениях со шведами новгородским посадником Федором Даниловичем). Федора Васильевича Миккола предложил считать сыном Валита, который, по данным летописи, в 1337 г. был воеводой города Корелы; этого Валита Миккола идентифицирует с легендарным корельским владетелем и завоевателем Лапландии, известным из предания, записанного в 1592 г. русскими послами вблизи Колы: согласно преданию, Валит после крещения получил имя Василий. Однако предполагаемые сын и отец, Федор Васильевич и «Василий» Валит, жили в одно и то же время, источники не говорят о какой-либо связи Федора Васильевича с Карелией, достоверность предания о христианском имени первого Валита невелика, поэтому все построение маловероятно.

⁵⁶ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 47.

селений Новгородской земли, мало знакомые с военным делом; в рассматриваемом случае войско состояло из людей, обладавших боевым опытом, уже неоднократно участвовавших в ушкуйных походах на обширных просторах Восточной Европы.⁵⁷

Подобный состав войска, по-видимому, позволяет объяснить, почему поход в Приботнию был организован не в том же 1375 г., когда в Новгород пришло известие о сооружении шведской крепости на р. Оулу, и не в следующем 1376 г., а два года спустя. Дело в том, что в 1375 г. произошел один из самых крупных походов новгородских ушкуйников по Волге от Костромы до Астрахани;⁵⁸ в этом походе, кончившемся поражением, участвовало значительное количество новгородских ушкуйников. Видимо, поэтому новгородские власти, организовавшие поход в Приботнию, не могли собрать войско ни в 1375 г., когда основная масса новгородских молодцов ушла в поход на Волгу, ни в 1376 г., когда уцелевшие участники волжского похода еще только возвращались в Новгород.

Длительность подготовки похода в Приботнию, возможно, была вызвана также сложностью самого предприятия: ведь за всю историю Новгородской республики официальное новгородское войско ни разу еще не предпринимало из Новгорода столь далекий поход против внешнего врага; до сих пор все военно-политические операции на северо-западной окраине новгородских владений — в Приботнии, на Кольском п-ове и в Финмаркене — осуществлялись в XIII—XIV вв. небольшими вооруженными отрядами без участия высших должностных лиц Новгородского государства.⁵⁹ В данном же случае большое новгородское войско, руководимое видными деятелями государства, должно было совершить длинный тысячеверстный путь по редко населенной местности, в суровых природных условиях; такой поход нужно было хорошо подготовить, чтобы рассчитывать на успех.

Вероятнее всего, поход происходил летом, когда можно было пользоваться водными путями. Маршрут похода, по-видимому, должен был проходить по линии старинного карельского водного пути, связывавшего основную племенную территорию карел в северо-западном Приладожье с позднее освоенной карелами Приботнией. Из Новгорода новгородское войско на речных судах ушукях должно было пройти вниз по Волхову и через Ладожское озеро до его северного побережья, а затем по карельскому водному пути через озера Пюхаярви, Оривеси, Пиелисьярви и через волок в бассейн Ботнического залива — в озеро Наосьярви, Оулуярви и реку Оулу (Овлу), к стоящему вблизи устья этой реки «новому городку», являвшемуся целью похода.⁶⁰

⁵⁷ Напомню, что как раз в 60-е—70-е гг. XIV в. новгородские ушкуйники ходили в более дальние, чем в Приботнию, походы на Волгу и Каму, за тысячи верст от Новгорода.

⁵⁸ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 42—44.

⁵⁹ К тому же борьбу за Кольский п-ов и Финмаркен в XIII—XIV вв. русские отряды вели, скорее всего, не из Новгорода, а из новгородских владений на Северной Двине.

⁶⁰ Старейшее описание этого пути было сделано в середине XVI в. финляндцем Якобом Тейттом со слов одного русского (по-видимому, русского подданного — карела), хорошо знавшего этот важный водный путь (*Jacob Teitts klagomå Isregister emot adeln i Finland (å 1555—1556) / Utg. av K. Grotenfelt. Helsingissa, 1896. S. 154—160; подробнее см. об этом пути: Шаскольский И. П.*

Наибольшее значение имеет, естественно, вопрос о конечных результатах похода: завершилась ли эта крупнейшая новгородская военно-политическая операция второй половины XIV в. полным успехом, удалось ли Новгороду вернуть под свою власть территорию Приботнии?

Ответ на этот вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Внешне летописный текст о походе 1377 г. (в обоих его вариантах, в Новгородской I и Софийской I летописях) производит впечатление обычного рассказа о вполне успешных победоносных действиях новгородских войск («и посад весь взяша, и волость всю потравиша, и полона много приведоша в Новьгород, а сами приидоша вси здрави в Новьгород»⁶¹). Однако при более внимательном рассмотрении летописного текста становится видно, что, несмотря на внешне мажорный тон, явно отмечен ограниченный, неполный характер военного успеха, достигнутого новгородцами в Приботнии. В летописи сообщается, что новгородцы, подошедшие к «немечкому» городку на р. Оулу, «стояша под городом много дней, и посад весь взяша»; здесь прямо указывается, что новгородское войско, много дней осаждавшее шведскую крепость и захватившее весь посад, расположенный у стен крепости (т. е. — давно существующее неукрепленное поселение, рядом с которым была построена шведская крепость), все же не могло достичь цели своего похода — взять вражескую крепость. Совершенно очевидно, что если бы военные действия на р. Оулу кончились полным успехом — взятием шведской крепости, в летописи было бы прямо сказано, что новгородцы «город взяли»⁶²; но в этом случае не было бы необходимости специально говорить о захвате всего посада — было бы очевидно, что если бы была взята крепость, то был бы взят и находившийся около крепости неукрепленный посад.⁶³ Поскольку же крепость взять не удалось, летописцу пришлось для создания наиболее благоприятного впечатления об этом походе точно указать в тексте наибольшую степень достигнутого военного успеха — сообщить о занятии новгородским войском посада, прилегавшего к крепости.⁶⁴

Таким образом, новгородский поход 1377 г. в военном отношении не кончился поражением, а напротив, прошел довольно успешно: новгородское войско благополучно совершило труднейший тысячеверстный поход от Новгорода до берега Ботнического залива и благополучно вернулось обратно, не понеся заметных потерь в живой силе. Однако в политическом отношении этот поход остался безрезультатным: шведскую крепость, выстроенную недавно в стратегическом центре северной Приботнии, взять не удалось, и тем самым не удалось ликвидировать

Финляндский источник по географии северной России и Финляндии середины XVI в. // История географических знаний и открытий на севере Европы Л., 1973, с. 10—131).

⁶¹ НПЛ. С. 374.

⁶² Как в летописной статье 1301 г. о взятии шведской крепости Ландскроны — «град взят бысть», в летописной статье 1337 г. о возвращении временно захваченной шведами Корелы — «новгородци же взяша свой город», и т. д.; см.: НПЛ. С. 331; ПСРЛ. Т. 5. С. 220.

⁶³ Добавлю, что сам по себе посад не имел никакого военного значения и о захвате его вообще не было нужды упоминать в рассказе о новгородском походе, если б этот поход закончился полным успехом — взятием крепости.

⁶⁴ И. И. Миккола ошибочно утверждает, что крепость была взята (*Mikkola J. J. Karjalaiset Novgorodin sotilaina*. S. 61).

оплот шведской власти в Приботнии и восстановить в Приботнических землях власть Новгорода.

В данной связи становится понятным поведение новгородских войск во время похода. По словам летописи, новгородцы в Приботнии «во-лость всю потравиша и полона много приведоша в Новъгород», т. е. новгородские войска действовали в Приботнии как на неприятельской территории. По-видимому, неудача новгородского похода была вызвана не только прочностью стен (или валов) недавно построенной шведской крепости, но и происшедшим в предшествующие годы переходом основной массы населения Приботнии под влияние Швеции; видимо, влияние Швеции поддерживалось к этому времени уже не только финскими и шведскими переселенцами из шведских владений, но и большинством местного карельского населения, и новгородское войско было враждебно встречено и переселенцами из шведской Финляндии, и местными жителями. В подобной обстановке новгородское войско не стало шадить вышедшую из повиновения область, а наоборот, начало жестоко карать непокорное население. В результате этих карательных мер многие селения были разорены («волость всю потравиша»), значительное число непокорных жителей Приботнии было взято в плен и приведено в Новгород.

Подобный характер действий новгородского войска в Приботнии подтверждается и сведениями о русском походе 1377 г., исходящими от шведской стороны и содержащимися в булле папы Урбана VI шведским епископам от 13 декабря 1378 г.⁶⁵ По сведениям буллы, во время русского нападения проливалась «кровь христиан» и «в ущерб католической вере, притесняемой этими русскими, были совершены грабежи и сожжения церквей...». Под «христианами» здесь подразумеваются шведы и давно обращенные в католичество финны, очевидно — шведские и финские переселенцы, жившие в Приботнии; вполне понятно, что, поскольку эти переселенцы являлись главной опорой новой (шведской) власти, установившейся в Приботнии, против них и было направлено главное острие действий новгородского войска. А поскольку установление шведской власти проводилось в союзе с католической церковью, освящалось этой церковью и сопровождалось, по всей вероятности, мерами по обращению местного населения в католическую веру (так же, как это делалось ранее, при завоевании шведскими ры-

⁶⁵ Булла папы Урбана VI епископам Линчепинга и Стренгнеса (*Rydberg O. S. Sverges Traktater. Del. 2. № 407*) была написана на основании сведений, ранее сообщенных папе в послании этих же епископов; в булле говорится о частых нападениях русских на шведские владения. Поскольку не дошедшее до нас послание шведских епископов папе должно было быть написано значительно ранее декабря 1378 г., т. е. (учитывая длительную дорогу из Швеции в Рим и из Рима в Швецию) в первые месяцы 1377 г., вскоре после получения в средней Швеции известий о русском нападении на Приботнию, очевидно, что в булле речь идет именно о событиях 1377 г. на северных берегах Ботнического залива. Целью обращения шведских епископов к папскому престолу была просьба о помощи в борьбе против русских «схизматиков», нападающих на владения Швеции. В ответ на это обращение папа Урбан VI в своей булле поручил обоим шведским епископам в пределах их епархий призвать всех верных христиан к борьбе против русских — врагов католической религии. Однако, поскольку с русской стороны тогда не последовало новых активных действий в Приботнии, практически не потребовалось осуществлять призыв папы.

царями земель основных финских племен, суми и еми), вполне естественно, что во время операций новгородского войска в Приботнии были уничтожены оказавшиеся в районе военных действий шведские церковные здания, столь тесно связанные со шведской властью.

Описанные действия новгородских войск должны были существенно ослабить шведские позиции в Приботнии, значительно уменьшить здесь численность и влияние той части населения (переселенцев из шведских владений), которая поддерживала шведскую власть. Но решающего значения эти действия иметь не могли. Крепость, находившаяся в стратегическом и политико-экономическом центре Приботнии — вблизи устья р. Оулу — осталась в шведских руках, и потому Швеции, по-видимому, удалось сохранить свою власть над Приботнией. После ухода новгородских войск эта власть, очевидно, была восстановлена на всей территории края.

Из уже цитировавшейся буллы папы Урбана VI можно вынести впечатление, что с точки зрения шведских епископов, являвшихся информаторами папы (и, видимо, вообще с точки зрения шведских правящих кругов), ставшая объектом русского похода 1377 г. территория прежних новгородских владений в Приботнии в данное время (после постройки в 1375 г. шведской крепости на р. Оулу) рассматривалась уже как шведское владение, и к папскому престолу шведские епископы обратились потому, что, по их мнению, русскими было совершено нападение на пределы шведского королевства и вместе с тем на область, находящуюся в юрисдикции шведской церкви.

Таким образом, анализ прямых и косвенных данных, содержащихся в источниках, приводит к заключению, что, по всей видимости, в середине 70-х гг. XIV в. в политической жизни северо-восточной Приботнии произошли решающие перемены и что это старое русское владение с данного времени перешло под власть Швеции. Датой утверждения шведской власти надо считать 1375 г. — год постройки в стратегическом центре Приботнии шведской крепости. Новгородскому государству, несмотря на приложенные усилия, в 1377 г. не удалось вернуть этот край.

Дальнейшая судьба северо-восточной Приботнии весьма темна и во многом неясна. Нам в точности не известно, был ли поход 1377 г. единственной попыткой восстановления новгородской власти на побережье Ботнического залива, или такие попытки предпринимались неоднократно и впоследствии. Хотя новгородские летописи конца XIV—XV в. гораздо полнее, чем в предшествующие столетия, освещают внешнеполитическую историю Новгородского государства, в летописях все же оказались зафиксированными не все военные столкновения, происходившие на огромной протяженности северной границы новгородских владений; из других случайно сохранившихся источников второй половины XIV—XV в. удается узнать о нескольких военных столкновениях на русско-шведской границе, не нашедших своего отражения в летописях,⁶⁶ и потому есть все основания полагать, что пограничных

⁶⁶ Так, в берестяной грамоте № 249, найденной экспедицией А. В. Арциховского и датируемой концом XIV—первой половиной XV в., содержится известие о нападении с шведской стороны на пограничную Иломанский погост подвластной Новгороду Корельской земли. В недатированной грамоте XV в., сохранившейся в архиве Соловецкого монастыря, содержится известие о каком-

столкновений, походов и набегов с обеих сторон было в действительности гораздо больше, чем об этом сообщает летопись. И вполне возможно, что в последующее столетие после похода 1377 г. делались и другие попытки вернуть Приботнические земли под власть Новгорода. Но, насколько можно судить по весьма отрывочным показаниям источников, в течение всего последующего времени Приботния уже оставалась под шведской властью.

В финских источниках XV в. сохранился ряд известий о русских походах на северную Приботнию (Эстерботнию) небольшими военными отрядами (отправлявшимися, по всей вероятности, из русского Поморья — с западного побережья Белого моря), в 1415, 1431, 1454, 1462, 1478 гг.⁶⁷ В известиях об этих походах северная Приботния рассматривается уже как шведское владение, подвергавшееся нападению другого государства. Известно, далее, что в 30-е гг. XV в. (и, возможно, и в более раннее время) в северной Приботнии (Эстерботнии) уже существовала шведская администрация.⁶⁸

Со временем шведское господство распространилось на всю территорию области приботнических карел — «Каянскую землю», и с восточной стороны установилась фактическая граница этой области (возникающая, возможно, в более раннее время как восточная граница области приботнических карел), ставшая восточной границей шведских владений в северной Финляндии. Впервые эта граница под именем «Каянского рубежа» упоминается в недатированном документе XV в., некогда находившемся в архиве Соловецкого монастыря. В этом документе (купчей, составленной на Беломорском побережье) говорится, в частности, о продаже земель, лесов и рыболовных угодий на территории, лежащей к западу от Белого моря, «по лишим озерам до Каянского рубежа»,⁶⁹ т. е. по лесным озерам до рубежа Каянской земли; в данном случае Каянский рубеж явно упоминается в качестве границы владений другого государства.⁷⁰

то неизвестно нам по другим источникам новгородском походе XV в. с побережья Белого моря к берегу Ботнического залива (на реку Ий, впадающую в Ботнический залив, — см.: ГВНиП. № 327). Все эти источники, повторяю, сохранились совершенно случайно, и их наличие лишь подтверждает неполноту летописных известий, недостаточную осведомленность составителей летописей о военно-политических событиях, происходивших на весьма протяженной северной границе Новгородского государства.

⁶⁷ *Ahtia E. Vianan, Aunuksen ja Vepsän historia // Karjalan kirja. Porvoo: Helsinki, 1932. S. 240.*

⁶⁸ Известно, в частности, что шведским наместником Эстерботнии до 1434 г. был видный деятель шведского национально-освободительного движения и один из вождей восстания 1434 г. под руководством Энгельбректа Энгельбректссона, Эрик Пуке (*Rein G. Föreläsningar öfver Finlands historia. Helsingfors, 1870. 1 del. S. 225*).

⁶⁹ ГВНиП. № 322 (то же: Материалы по истории Карелии. № 46).

⁷⁰ В документе говорится о приобретении одним феодальным владельцем (Иваном Аввакумовичем, возможно, русским) у другого феодального владельца (Юрия Каргуева, одного из местных карельских феодалов — «корельских детей») права на земли, леса, рыболовные угодья и на какие-то не вполне ясные феодальные повинности на обширной территории, на север «до Кирицкой межи» (северная граница владений «карельских детей» по р. Керети), на запад «по лишим озерам до Каянского рубежа», а на юг до р. Выг. «Каянский рубеж» явно выступает в этом документе как крайний предел территории, на которую

Однако, несмотря на фактически происшедший с 1375 г. переход Приботнических земель под власть Швеции, официально эта область продолжала еще в течение длительного времени рассматриваться обоими государствами как владение России. Граница, установленная Ореховецким договором 1323 г., юридически продолжала существовать еще двести лет и почти во всех сохранившихся текстах русско-шведских договоров — XV—XVI вв.⁷¹ — 1473, 1482, 1487, 1497, 1504, 1510, 1535, 1651 гг.⁷² — официально подтверждалась традиционная линия этой границы от р. Сестры до Ботнического залива.⁷³ В сохранившемся в Стокгольмском архиве недатированном описании русско-шведской границы, относящемся, по-видимому, к XV в.,⁷⁴ официальная линия границы также доводится до Ботнического залива.⁷⁵ Хранившаяся в архиве Соловецкого монастыря уже упомянутая выше недатированная Роспись русских приботнических владений, составленная, видимо, в середине или второй половине XVI в., рассматривает Приботнию как «государеву вотчину», как законное владение русского царя, захваченное без какого-либо права «немецкими людьми» и находящееся в настоящее время в фактическом обладании «немцев».⁷⁶

распространяется затрагиваемая в документе определенная система феодальных и полуфеодальных отношений, сложившихся в Беломорской Карелии; за Каянским рубежом подразумевается другая неизвестная составителю документа система отношений, чужая территория и чужая власть.

⁷¹ Точнее — во всех сохранившихся текстах русско-шведских договоров XV—XVI вв., в которых специально затрагивался вопрос о границе; в нескольких русско-шведских договорах этого периода — 1468, 1513, 1523, 1557 гг. (*Rydberg O. S. Sverges Traktater. Del. 3. № 512, 581; Del. 4. № 46; см. также: СГТид. Ч. 5. № 60 и 104*) вопрос о границе специально не затрагивался и только потому там не содержалось подтверждения границ Ореховецкого договора (хотя и эти договоры содержали в общей форме подтверждения условий Ореховецкого договора). Тексты более ранних русско-шведских договоров, неоднократно заключавшихся в период между Ореховецким миром и договором 1468 г. (тексты договоров 1339, 1350, 1374 гг. и др. — даже не все даты заключения этих договоров могут быть установлены) не сохранились.

⁷² *Rydberg O. S. Sverges Traktater. Del. 3. № 517* (договор 1473 г.), № 525 (договор 1482 г.), № 535 (договор 1487 г.) № 549 (договор 1497 г.), № 568 (договор 1504 г.), № 577 (договор 1510 г.); *Del. 4. № 35* (договор 1535 г.), № 35 (договор 1537 г.), № 54 (договор 1561 г.).

⁷³ Во всех перечисленных договорах подтверждается линия границы, идущая от реки Сестры («från Systrene», «ex flumine Sester» и т. д.) к Ботническому заливу — «till Norrbodn» (1473), «till Norrabundh» (1482), «an dat Norderboddenmsche haff» (1487), «ad mare Koen» (1497), «ad Kainw mare» (1504), «ad mare Kayno» (1510), «ad Cayana mare» (1535), «ad mare Caino» (1537), «ahn Kaynus mehre» (1561); во всех этих случаях дается или шведское название «Норботтенский залив (море)», т. е. северная часть Ботнического залива, или русское название (видимо, происшедшее от карельского) — «Каяна море», что также соответствовало северной части Ботнического залива. Лишь в тексте Тявзинского договора 1595 г. Каянская земля была впервые официально названа в числе территорий, принадлежащих Швеции (*Rydberg O. S. Sverges Traktater. Del. 5, 1 hälft. № 15. S. 81*).

⁷⁴ Первый публикатор этого документа О. С. Рюдберг датировал его временем не позднее начала XV в.; той же датировки придерживался и второй издатель, Р. Хаузен.

⁷⁵ *Rydberg O. S. Sverges Traktater. Del. 1. S. 488; Finlands medeltidsurkunder. Bd 2, № 1128.*

⁷⁶ «От немецкого рубежа каянские украинны живут немецкие люди и владеют государевую землю; ... а нынече по тем рекам сидят все немцы, а владеют

Позиция русской стороны вполне понятна и не требует особых объяснений — известно много аналогичных случаев, когда после фактически происшедшего захвата одним государством части территории другого государства пострадавшая сторона длительное время не признавала произведенный захват и продолжала считать утраченную область своим законным владением. Значительно труднее объяснить позицию шведской стороны — почему Швеция, фактически владея с 1375 г. территорией северо-восточной Приботнии, еще на протяжении двух столетий при заключении договоров с Россией официально продолжала признавать эту область владением Русского государства. Для понимания этого странного явления необходимо произвести общее исследование развития русско-шведских отношений XV—XVI вв.

Следует привести еще некоторые дополнительные сведения о северном и западном побережье Ботнического залива. На северном берегу карельское население имелось в Торнео и на пути к Ледовитому океану в торговом селении Рованиemi. Западный берег находился в XIII и XIV вв. официально под русской властью. В памяти местного населения более половины западного берега залива (от его северной оконечности до района Стокгольма) издавна принадлежало русским данникам.⁷⁷ В общем, оказывается, что в XIII—XIV вв. больше половины побережья Ботнического залива находилось под властью Новгородского государства.

государско вотчиною по тем рекам...» (*Досифей, архим.* Описание Соловецкого монастыря. С. 38).

⁷⁷ Эти сведения содержатся в жалобе жителей Восточной Приботнии, поданной в 1340 г. шведским властям (*Vahtola J. Kainuu—Kvenland. S. 384*).